

Стоило привратнику из поместья Ван бросить эту фразу прямо в лицо бабушке Е, как та побледнела от обиды.

Семья Ван, спору нет, считалась в уезде богатой и влиятельной. И то, что Е Цай вошёл в их дом на правах зятя-примака, тоже было чистой правдой. Но ведь он без устали учился в доме тестя! Стоит ему в будущем сдать экзамен на звание цзюйжэня — и это прославит весь их род.

И теперь её, пожилую женщину, называют побирушкой?

В глазах бабушки Е её сын, пусть пока и не сдал экзамен на цзюйжэня и не мог занять чиновничий пост, всё же оставался уважаемым человеком. Как-никак, он носил звание сюцая! Сюцай имел право входить в судебную управу, говорить с уездным судьёй на равных, и местная власть не смела без веских причин подвергнуть его телесному наказанию.

Да и хлеб в доме Ван её сын ел не даром. Получив степень сюцая, он освобождался от налогов и барщины. Приняв в семью такого зятя, сколько налогов семейство Ван сэкономило за эти годы? От скольких рекрутских наборов уберегло своих людей? И после всего этого в поместье Ван мать почтенного сюцая смеют называть нищенкой?!

Бабушка Е тут же набросилась на привратника:

— Ван Фацай! Ты сам — всего лишь цепной пес в этом доме! С какой стати ты смеешь так разговаривать с матерью зятя твоих хозяев? Если мать просит у сына денег, это по-твоему милостыня? Где это видано? Кому ни Расскажи, никто тебя не поддержит! Нас всех матери рожали и растили. Или сын, женившись, может плевать на родную мать? Чтоб твой собственный сын на старости лет бросил тебя подыхать, и чтоб ты сам пошёл по миру с протянутой рукой!

— Ладно-ладно, не собираюсь я с тобой лаяться, — пренебрежительно отмахнулся Ван Фацай.
— Ну и ядовитый же у тебя язык, старая карга! Бедная наша барышня, не повезло же ей с такой свекровью. Слава богу, вы не живёте под одной крышей.

Бабушка Е задохнулась от гнева.

Е Сяои не выдержал этого зрелища. Шагнув вперёд, он холодно произнёс:

— Попрошу выбирать выражения. Кого это ты назвал старой каргой? Даже если у моей бабушки и не самый кроткий нрав, она всё равно остаётся матерью твоего господина.

Привратник закатил глаза и презрительно хмыкнул:

— Тоже мне, господин нашёлся! Побирушки несчастные. Да вы хуже собак, что стерегут эти ворота. Те хоть пользу приносят, дом охраняют.

Е Сяои мгновенно вскипел:

— Рабов, которые смеют так оскорблять господ, у нас обычно наказывают сурово. Сначала разрывают пасть, затем вырывают язык, а напоследок кастрируют. Хочешь примерить это на себя?

Ван Фацай лишь рассмеялся, ни во что не ставя желторотого мальчишку:

— Иди отсюда, сопляк! Нищие ещё смеют мне угрожать? Да что ты мне сделаешь, малявка? Надо же, пришли побираться, а крику-то сколько! Наглее вашей семейки я ещё никого не видывал.

Е Сяои прищурился:

— Прекрасно. Ты меня разозлил. Будет очень любопытно взглянуть, как ты заскулишь, когда тебе станут вырывать язык.

Ван Фацай даже бровью не повёл. Он не соизволил проводить незваных гостей в парадную гостиную, заставив их дожидаться прямо у ворот.

Прошло немало времени, пока Е Сяои, маленькая Е Сяомэй и их бабушка стояли у порога, прежде чем ленивой походкой к ним наконец соизволил выйти зять почтенного семейства — Е Цай.

Едва появившись, он фальшиво запричитал:

— Что же вы держите гостей у порога? Какое неприличие! Матушка, пойдёте скорее в дом, присядете с дороги.

На самом деле в поместье Ван к Е Цаю относились с большим уважением. Хотя он пока и не сдал экзамен на степень цзюйжэня, он обладал редким умением читать людей и искусно подчинять их своей воле. К тому же никто не сомневался, что рано или поздно он добьётся успеха. Поэтому все обитатели поместья, от мала до велика, держались с ним вежливо и заискивающе, боясь вызвать его недовольство.

Ван Фацай тут же угодливо склонился:

— Да-да, конечно. Прошу вас, старая госпожа.

Е Цай лишь для виду прикрикнул на слугу:

— Негодный раб, совсем распоясался. Матушка, не принимайте близко к сердцу слова этого невежи.

Бабушка Е сразу же сменила гнев на милость, решив про себя, что сын у неё всё-таки заботливый и любящий.

Е Сяои тихо хмыкнул. Сначала дать пощёчину чужими руками, а затем подсунуть сладкую конфету — этот лицемерный дядюшка мастерски владел искусством притворства.

Е Сяои повернулся к младшей сестре и с намёком громко произнёс:

— Сяомэй, запомни мои слова: когда ты вырастешь и выйдешь замуж, если родня мужа посмеет тебя оскорбить, это будет означать лишь одно — твой супруг и не думал тебя защищать. Это непреложная истина, поняла?

— А? Но мне ведь ещё рано замуж, — растерянno захлопала глазами семилетняя Е Сяомэй, совершенно не уловив скрытого смысла.

Поскольку теперь главой дома Е фактически стал Е Сяои, бабушка ловила каждое слово внука. Это замечание заставило её призадуматься. Неужели челядь поместья Ван посмела обойтись с ней как с бродяжкой только потому, что её собственный сын закрывал на это глаза? Но какой сын станет потакать унижению родной матери?

Она пристально посмотрела на своего младшего сына, которого холила и лелеяла с пелёнок, и с подозрением спросила:

— Е Цай, этот слуга только что назвал твою мать побирушкой. Неужели в этом доме за моей спиной все считают, будто я прихожу сюда кланчить милостыню?

Е Цай лишь отмахнулся, стараясь замять разговор:

— Да что с него взять, обычный цепной пёс. Совсем забыл о приличиях. Позже я его проучу.

— А зачем откладывать? — с улыбкой вмешался Е Сяои. — Накажи его прямо сейчас. Нам с бабушкой очень хотелось бы на это посмотреть.

Е Цай мгновенно напустил на себя строгий вид, решая поставить зарвавшегося племянника на место:

— Сяо И, ты уже не ребёнок! С какой стати ты поддерживаешь эти капризы и споришь с ничтожным слугой? Настоящий мужчина должен брать пример со своего отца и быть опорой для семьи. В твои годы он уже вовсю пахал землю, охотился в лесу, а затем приписал себе

лишние года, чтобы уйти на войну. Ему и в голову бы не пришло заставлять престарелую мать ходить по дворам ради куска хлеба для тебя!

Е Сяои горько усмехнулся:

— Вот именно. Мой отец действительно был благородным и самоотверженным человеком. Для своего младшего брата он стал вторым отцом. Чтобы его драгоценный братец мог спокойно учиться, он, будучи совсем юным, в одиночку пахал всё наше поле. Чтобы братец лучше соображал и не голодал, двенадцатилетний мальчишка один уходил в глухую тайгу на охоту. И ни одна душа не беспокоилась, когда он пропадал там ночами! А чтобы у братца нашлись деньги на хороших учителей, он соврал на призывном пункте и ушёл воевать. И всё своё жалованье до последней монеты присылал домой. Всё дочиста уходило на нужды его младшего брата.

С каждым словом племянника лицо Е Цая бледнело всё сильнее, наливаясь злобой.

Е Сяои безжалостно продолжал:

— Такой замечательный отец, к несчастью, так и не успел ничего сделать для собственного сына — погиб на поле боя. Наша бабушка, чувствуя вину перед покойным первенцем, не смогла бросить его сирот на произвол судьбы. Ей пришлось взять на себя заботу о нас, раз уж кое-кто из сыновей забыл о долге чести. Но теперь её у этих ворот называют побирушкой. Какое убожество! Родную мать мешают с грязью, а вы и ухом не ведёте. Впрочем, должно быть, вы и сами в доме Ван живёте на правах безродного приживалы. Тогда мы вас не виним — сытый раб не станет перечить хозяевам.

Разъярённый Е Цай вспыхнул от такого оскорбления:

— Паршивец! Значит, все те деньги, что я посылал вам все эти годы, улетели в трубу? Вместо благодарности ты смеешь попрекать меня долгами? Да если бы не моя помощь, вы с сестрой давно бы подошли с голоду! Мой старший брат был благородным человеком, как же он умудрился вырастить таких неблагодарных тварей?!

Е Сяои усмехнулся:

— Надо же! Когда вашу родную мать обозвали нищенкой, вы лишь невнятно цыкнули. Но стоило мне намекнуть, что вы сами здесь на птичьих правах, как вы тут же взвились на дыбы. Какая поразительная разница в отношении!

Он иронично похлопал в ладоши, отдавая должное актёрскому мастерству своего дядюшки.

— Мерзавец! — взревел потерявший самообладание Е Цай и замахнулся, чтобы отвесить племяннику увесистую пощёчину.

Но бабушка Е ни за что не позволила бы поднять руку на любимого внука. Она мгновенно заслонила собой Е Сяои и в ярости закричала:

— Е Цай! У тебя ещё поворачивается язык называть кого-то неблагодарной тварью?! Да это я вырастила на свою голову настоящего волка в овечьей шкуре! С самого детства тебя баловали больше всех, всю тяжёлую работу по дому тащил на себе твой старший брат. Стоило в доме появиться лишнему яйцу — я тайком совала его тебе в рот! И посмотри на себя теперь! Ты ходишь в шелках и парче, лопаешь досыта белый рис и отборное мясо. Я полгода не показывалась у твоих ворот, а тех жалких грошей, что ты дал нам в прошлый раз, едва хватило на пресные отруби!

По её морщинистым щекам покатались слёзы жалости и обиды:

— Откупился от матери жалкими объедками, а ведь мне нужно кормить двоих детей! Я сама готова была землю есть от голода! И ты после этого смеешь бросаться обвинениями? Твой брат Е Су отдавал тебе всё своё скромное жалованье до единой монеты, чтобы ты мог учиться. Теперь ты живёшь в роскоши и тепле, но не желаешь знать его сирот! Вот кто здесь настоящая неблагодарная тварь!

Старуха разрыдалась в голос, сокрушаясь о своей горькой доле:

— Если бы мой бедный Е Су не ушёл тогда на службу, разве он погиб бы в расцвете сил?! Я вырастила двоих сыновей, но самый преданный и заботливый отдал жизнь ради этой неблагодарной скотины! И теперь его дети вынуждены терпеть унижения у чужих ворот! Мой старший сын был сильным, ловким, за любую работу брался с лёгкостью. Будь он жив, его жену Жу Синь не унесло бы бурным потоком во время работы на поле! Е Су души во мне не чаял. Окажись он рядом, разве пришлось бы нам троим выпрашивать кусок хлеба у этого эгоиста?!

Е Цай от злости лишь нервно рассмеялся:

— Значит, в смерти брата и его жены теперь тоже виноват я?! Какая нелепость! Видит небо, зря я все эти годы пытался быть для вас хорошим.

Наконец, не выдержав, он в ярости высказал то, что на самом деле таил в душе:

— Когда брат погиб, я взял его посмертное жалованье и купил для вас участок земли! У вас есть поле, есть рабочий буйвол, а вы умудряетесь голодать? Кто в этом виноват? В наши дни все живут тем, что вырастят своими руками. Если вы надеялись до конца дней сидеть у меня на шее — забудьте! Этому не бывать!

— Великолепно! — Е Сяои снова захлопал в ладоши.

Этот лицемер наконец-то сбросил маску и обнажил свою гнилую суть. И хотя Е Сяои понимал, что бросать на произвол судьбы дряхлую старуху, семилетнюю девочку и десятилетнего мальчишку — поступок подлый и жестокий, в словах дяди крылась доля горькой правды.

— Я полностью согласен, — спокойно произнёс Е Сяои, прекратив аплодисменты. — Даже близкие родственники не должны паразитировать друг на друге. Так что давайте сядем и посчитаем всё до единого медного гроша. А когда мы закроем этот счёт, даже не думайте когда-нибудь снова набиваться к нам в родню. В противном случае пеняйте на себя — тогда уже я не посмотрю на кровные узы.

Е Цай презрительно фыркнул:

— Да если ты сделаешь так, чтобы моя мать больше никогда не переступала порог этого дома с протянутой рукой, я буду молиться на тебя как на божество.

<http://bllate.org/book/18182/1756696>